

ЛОВУШКИ КОНСЕРВАТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Анатолий Вишневский

***Доклад на юбилейной сессии
27 апреля 2010 года***

Эпиграф

Мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории Церкви и законов ее - светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неиспорченной индивидуальности нашего племени.

Алексей Хомяков

Смена мифа в СССР

Официальная идеологическая история СССР группировалась вокруг двух больших государственных мифов: мифа Революции и мифа Великой державы.

Оба мифа просуществовали до исчезновения СССР, однако равноправия между ними не было: первый и поначалу единственный, очень скоро был потеснен вторым. Впрочем, это стало ясно не сразу, какое-то время не было подходящего символа, вокруг которого можно было объединить новую мифологию, и она рядилась в формы старой. Победа во Второй мировой войне и выход СССР на первые роли в послевоенном устройстве мира дали такой символ, он вышел на передний план, хотя и сохранял в некоторой степени декор революционной символики.

Что стояло за сменой мифа?

Перед какой развилкой оказалась страна?

К чему нас привел сделанный выбор?

Какой выбор стоит перед нами сегодня?

Модернизация как цивилизационный переход

Модернизация - это переход от аграрной, сельской, натуральнохозяйственной цивилизации к городской, промышленной, рыночной, от традиционного, аграрного, сельского, патриархального, соборного общества к современному, индустриальному или постиндустриальному, городскому, индивидуалистскому.

Нынешнее «столкновение цивилизаций» следует понимать не по Хантингтону, не «географически», как столкновение рядоположенных «больших культурных целостностей», а «исторически» – как естественное столкновение старого и нового, на российской почве – столкновение «цивилизации серпа» – с «цивилизацией рубля».

***Модернизация - всеобъемлющая
социальная трансформация***

Модернизация - сложный, многослойный процесс. Это не просто изменения в «технологии» - производства и быта.

Новая экономика требует другого человека - не универсального самодостаточного производителя, способного жить, почти не общаясь с внешним миром, а человека, вовлеченного во множество внешних связей, все более многочисленных и разнообразных, понимающего новую картину мира, все более сложного и дифференцированного.

Все слои многослойной модернизации воздействуют на человека, на его психику, интеллект, эмоциональный мир, но каждый слой – по-своему.

Экономические изменения преобразуют условия труда, требуют от человека более сложных и специализированных навыков, профессиональных знаний, повышают значение индивидуальных склонностей и способностей, личного успеха, неизмеримо расширяют базу демократии, массовости средних слоев и приводят к торжеству принципа меритократии над принципом аристократии.

Урбанизация меняет характер общения людей, диктует большую атомизированность, анонимность и автономность поведения каждого. А это невозможно без более глубокой «интериоризации» социальных норм, без замены внешней цензуры деревенской «улицы» внутренним моральным законом.

Метафорой этих перемен может служить замена громоздких приводных ремней, с помощью которых валы станков вращались в эпоху паровых машин, встроенными в их тело электрическими двигателями.

Демографическая модернизация, незаслуженно считающаяся, в лучшем случае, младшей сестрой экономической или городской модернизации, как и они, делает возможным безграничное многообразие индивидуальных путей, но уже в частной, семейной жизни, что затрагивает едва ли не самые глубинные, интимные, экзистенциальные пласты нашего существования, поэтому и преобразующее влияние ее на структуру личности современного человека, явно недооцененное, оказывается, может быть, самым глубоким.

Ловушки модернизации как следствие догоняющего развития

Все модернизационные изменения идут рука об руку, но, затрагивая разные стороны человека, могут быть по-разному асинхронными, что в реальности порождает бесчисленное множество комбинаций.

Эта асинхронность при определенных условиях может приводить к существенной разбалансировке модернизационного процесса и, в конечном счете, к его торможению и даже полному блокированию.

К сожалению, такая разбалансировка наблюдается в истории чаще, чем хотелось бы.

По сути, более или менее сбалансированной была только пионерная, или эндогенная модернизация в странах западной культуры, в которой она назревала со времен Возрождения, вошла в наиболее активную фазу с конца XVIII в. и подошла к постиндустриальной фазе во второй половине XX в.

На всех этапах технические, социальные, политические или культурные инновации постепенно выспевали внутри общества и были продуктом его органического, внутренне согласованного развития.

«Модернизация предполагает выбор определенных прогрессивных целей и движение по пути их достижения. Но сам выбор, само движение определяются подходом... Все зависит, как ни банально, от конкретно-исторических условий, от текущей конъюнктуры. Часто не просто допустимо, но необходимо одновременно быстро капитально реформировать одну сферу общественной жизни, государственной политики и воздерживаться от каких-либо перемен в другой. Или ограничиваться там постепенными усовершенствованиями. Это азбучные истины. Даже странно, что приходится их повторять. Часто необходимо одновременно быстро капитально реформировать одну сферу общественной жизни, государственной политики и воздерживаться от перемен в другой... Так что, в принципе, никакого противоречия между модернизационным курсом и консервативными установками нет...»

Иванов В. Консервативная модернизация. «Известия», 30 ноября 2009 г.

Выборочное заимствование чужих достижений стало характерным для всех стран догоняющей модернизации, оно обеспечивало ускоренное продвижение на отдельных направлениях, и далеко не сразу становилось понятным, что оно же служило и источником серьезных рассогласований, а нередко и возникновения весьма опасных ловушек.

Классический пример такой ловушки можно найти в демографической области: модернизация смертности в развивающихся странах за счет заимствования западных медицинских достижений без заимствования их методов контроля рождаемости привела к глобальному демографическому взрыву такой силы, что он поставил под вопрос само существование человечества.

Ловушки догоняющей и селективной модернизации, в которых оказалась или рискует оказаться Россия, - иные, но природа их та же самая: рассогласование обновляемого и законсервированного сегментов единого «социального тела», живущего в состоянии перманентной незавершенности модернизационного процесса.

Односторонность советской модели модернизации

Тектонические сдвиги в российском обществе в конце XIX - начале XX вв., приведшие к революции 1917 года, несомненно, имели модернизационную направленность и требовали продолжения и ускорения модернизации от любой власти, которая могла бы утвердиться в России после революции. Любой из них предстояло бы сделать выбор конкретной модернизационной стратегии. Свой выбор сделали и большевики.

До прихода к власти большевики не собирались ограничиваться реформированием какой-нибудь одной сферы общественной жизни и давали другие обещания, в которые они и сами верили. Перед ними маячили воздушные замки «царства свободы», развития всесторонних способностей человека, перехода к принципу «каждый по способностям, каждому по потребностям» и т.д.

После революции, оказавшись в банальной зависимости от конкретно-исторических условий, от текущей конъюнктуры, они были вынуждены поменять свои планы.

Из всех целей на первое место выдвинулась одна: модернизация экономики, под которой понималось, прежде всего, промышленное развитие, ускоренная индустриализация.

Первоначально высший смысл такой цели обосновывался необходимостью технического перевооружения народного хозяйства и быта. Ленин мечтал о том, чтобы «дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами».

Позднее акцент был перенесен на поддержание военной мощи, священной коровой экономики стал ВПК, а цели развития еще более определенно формулировались в натуральных единицах промышленной продукции.

Сталин: «Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей».

Хрущев: 100-120 млн тонн стали, 650-750 млн тонн угля, 350-400 млн тонн нефти и т.д.

Миллионнотонные задания были выполнены и перевыполнены, но «случайности» подстерегали советское общество совсем с другой стороны.

***Консервативный хвост
влияет модернизационной
собакой***

Советская модернизация с ее лозунгом «догнать и перегнать!» была откровенно догоняющей, нацеленной на преодоление технического отставания от ушедших вперед стран.

При этом ставка была сделана на заимствование передовых производств, технологий и пр. без тех социальных и институциональных форм – рыночных, конкурентных – в которых эти производства и технологии возникали и воспроизводились.

Это не было результатом свободного выбора.

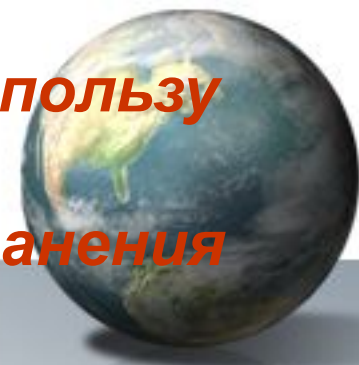
Той институциональной и культурно-психологической среды, в которой первоначально получили развитие заимствовавшиеся готовыми технические и организационные формы, в тогдашнем СССР просто не существовало. На ранних стадиях их освоения, по неизбежности, приходилось опираться на архаичные, традиционалистские социальные формы и институты, на «ветхого» человека.

Соответственно понадобились и механизмы управления, адаптированные к этой опорной базе.

Встав на путь такой адаптации, что тогда казалось самым эффективным способом достижения главной цели, безусловно ориентированная на техническую модернизацию власть посчитала оправданными любые средства, в том числе и явно антимодернизационные.

До революции Ленин определенно высказывался в пользу «американского», фермерского пути аграрной модернизации и, конечно, не был поклонником сохранения крестьянской общины. Тем не менее именно он, оказавшись у власти разработал «кооперативный план», развитие которого привело к коллективизации и выпалыванию всех ростков фермерской модернизации – ей было противопоставлено консервирование общинных форм.

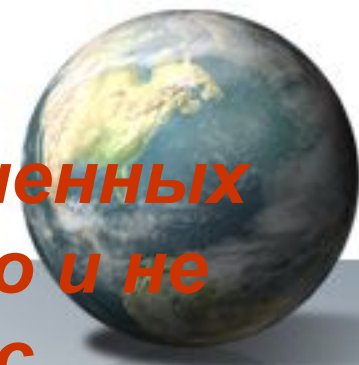
Деревня получила свои сто тысяч тракторов и даже больше, но в придачу к ним – колхозы, которые, конечно, не были общиной в буквальном смысле слова, но во многом опирались на пережитки общинного сознания и потому не стали и не могли стать современной формой организации аграрного труда. Они увели наше сельское хозяйство далеко от развития по фермерскому пути, на который оно не может перейти до сих пор, остается не модернизированным, архаичным и неэффективным.

Консервируя архаику в сельском хозяйстве во имя модернизации промышленности, архаику деревни во имя модернизации города, власть подавляла модернизационные силы, накопившиеся в российской деревни и во многом питавшие предреволюционные модернизационные устремления всего российского общества. В этом подавлении она была вынуждена опираться на более архаичные слои самой деревни, которые и становились ее главной социальной базой.

Действуя таким образом, власть сама все больше архаизировалась. На каком-то этапе этой эволюции она исторгла из своей среды носителей европейского модернизационного кода, обеспечивших, кстати, первые и самые впечатляющие успехи индустриализации 30-х годов, и стала все больше срастаться со своей новой, набиравшей силу социальной базой.

Теперь это были уже миллионы свежееиспеченных горожан, не чуждые городских соблазнов, но и не порвавшие еще пуповину, связывавшую их с матерью-деревней. И власть все более открыто делала ставку на эти новые полугородские слои, на сохранявшееся еще у них общинное сознание, на «народные», читай, крестьянские бытовые традиции, на унаследованную от прошлого политическую культуру и т.д. – постоянно обменивая эти реставрационные, контрмодернизационные уступки на возможность продолжать «инструментальную» модернизацию, которая все более определенно ассоциировалась с достижением промышленной и военно-промышленной мощи.

В итоге возникла совершенно новая социально-политическая конфигурация, которая позволяла беспрепятственно мобилизовывать ресурсы и энергию общества на решение «ударных» задач перенесения на советскую почву западных технических и научных достижений, а иногда даже добиваться своих собственных.

Подобно Хомякову, советские идеологи были убеждены в том, что западные достижения – случайные находки, а не естественный продукт того социокультурного бульона, путь которому в пределы СССР был заказан.

Советская мобилизационная модель, опиравшаяся на архаику общественного сознания, неизбежно вела к отторжению западного социального, политического и культурного опыта, который объявлялся буржуазным, демонизировался и отвергался в любых его проявлениях. Опасная зараза чудилась уже не только в частной собственности, конкуренции или многопартийности, но и в генетике и кибернетике, в фокстроте или танго, в беспредметной живописи и современной архитектуре.

На деле эта изоляция привела к тому, что даже готовые индустриальные и технические достижения, перенесенные на советскую почву, отказывались здесь размножаться, воспроизводиться.

Были отдельные, «анклавные» достижения, обычно связанные с ВПК. Но в целом вся история послевоенной экономики СССР – это история жалоб на техническое отставание от Запада, безуспешных попыток «ускорения» и т.п.

Ее финал – реабилитация проклинавшихся семь десятилетий частной собственности, рынка, конкуренции, политического плюрализма, идеологии либерализма, всех тех ингредиентов, из которых только и можно сварить необходимый современной экономике бульон.

Казалось бы, подошел момент обрубить хвост традиционалистского консерватизма, признать универсальный характер модернизации и навестать упущенное, устранив все препятствия, пусть даже и оправданные некогда историческими обстоятельствами.

Но здесь-то и оказалось, что тесно сросшаяся с модернизацией консервативная архаика вовсе не воспринимает себя как временную уступку модернизационным планам, а чувствует себя самоценной и сама требует уступок.

Отсюда и актуальность темы «ловушек», в которые попала современная Россия и которые, возможно, объясняют ее нынешнее огромное отставание по производительности труда или душевому ВВП, по продолжительности жизни или уровню здоровья населения, ее давно уже длящееся сползание на роль сырьевого придатка к экономикам других стран, ее непрозрачную политическую и правовую систему и многое другое, что отравляет настроение всем, кто хотел бы видеть Россию в голове, а не в хвосте самых разных ранжированных от хорошего к плохому списков.

Ловушка государственного патернализма

Успехи, достигнутые в СССР на ранних этапах индустриализации, скорее всего, действительно были бы невозможны без жесткого государственного дирижизма, что придало государству необыкновенный вес. Эти реальные, а нередко и мнимые, сильно раздутые успехи в соединении с еще звучавшей революционной риторикой, идеологией осажденной крепости, созданием искусственных вертикальных лифтов для «политически благонадежных» и системы жестоких массовых репрессий очень скоро превратили государство в самостоятельную мистическую, сакральную ценность, отодвинувшую ценности модернизации, ради которых все и затевалось, на второй план.

В результате, когда ранние этапы модернизации были пройдены и она получила собственную основу для дальнейшего развития, а потребность в государственных подпорках стала ослабевать, государство отнюдь не спешило ослабить свои руководящие объятия.

Оно продолжало сохранять свою непреходящую ценность в глазах общества, в глазах идеологов и, разумеется, в глазах государственных чиновников, отождествлявших себя с государством.

Вместе с тем сохранялась и консервировалась ценность пусть и несколько адаптированных к новым временам, но традиционных в своей основе экономических (нерыночная экономика), политических (однопартийность), культурных («коллективизм») и т.п. доминант, на которые опиралось советское государство.

Его псевдомодернистская оболочка, некогда, может быть, и сыгравшая свою роль, все больше вступала в противоречие с модернизаторской целью, во имя которой оно вроде бы и было создано, и с нарастающей силой препятствовало продолжению и завершению модернизации.

И сейчас, несмотря на все изменения двух последних десятилетий, гражданское общество остается младшим и очень слабым партнером государства, все ключевые инициативы исходят не от него, а от государственных чиновников. И дело не только в чиновниках, которые охотно демонстрируют свою отеческую заботу о населении, но и в самом населении, которое ждет от государства такой заботы.

Все это предполагает «ручное управление», наличие властной вертикали которая могла быть относительно эффективной на ранних этапах советской модернизации, но не может быть таковой сейчас, когда, пройдя ряд ее этапов, общество стало намного более сложным и дифференцированным. Такое общество просто не может управляться только из одного центра.

Признак хорошего управления – отсутствие необходимости в мелочном надзоре центра. Одна из важнейших характеристик модернизированного общества — развитые механизмы самоорганизации, их нельзя подавлять. Нужна сложная социальная среда. И экономика, и политика должны вариться во многих точках, нужно разнообразие элит, региональное разнообразие, конкуренция, и так далее.

Разумеется, всегда есть проблема баланса интересов. Но разнообразие, конкуренция, свобода выбора необходимы. Если их нет или они подавляются, то это препятствует вовлечению людей в модернизационный процесс, общество замирает и направляет все свои силы на консервирование сложившихся в прошлом форм, которые, возможно, уже отжили свое.

Необходимо перераспределение функций между государством и институтами гражданского общества в пользу последних. Но этому препятствует не только унаследованная от советского, а отчасти и от досоветского прошлого и охраняемая чиновниками гипертрофия государства, но и неразвитость самого гражданского общества, что связано с архаикой социальной структуры – еще одной ловушкой консервативной модернизации.

Ловушка промежуточной социальной структуры

Сколь узко ни была ориентирована главная модернизационная цель – промышленная и военная мощь – она не могла быть достигнута без значительного модернизационного вторжения и в другие сферы – нужны были большие города, а значит, и свойственные им формы общения, образования, здравоохранения, науки, военного дела и т.п. Менялись формы труда и быта, положение женщины, семья и внутрисемейные отношения, равно как и многое другое, перемены приобрели весьма значительные масштабы.

Все это, в свою очередь, не могло не привести к формированию **массовых городских слоев – нового весьма существенного компонента социальной структуры советского общества.**

Почти весь XX век российские города заполняли вчерашние крестьяне. Незадолго до распада СССР, по переписи 1989 г., поколения с преобладанием городских уроженцев составляли всего 41% населения России, значительная их часть была детьми. Города, сами еще не очень развитые, просто не успевали «перерабатывать» свое новое население.

Не удивительно, что одним из главным проявлений незавершенности советской модернизации как раз и стала незавершенность формирования городских слоев, их затянувшаяся маргинальность. И сейчас еще они остаются недоделанными, промежуточными, все еще несущими в себе исторический конфликт между традиционализмом и модернизмом, подобно персонажу Толстого, одетому, как он пишет, «в старое от дорогого портного пальто», под которым, «когда он расстегивался, видна была поддевка и русская вышитая рубаха».

***Тем не менее, мало-помалу они
менялись и, по многим параметрам, все
больше напоминали европейский или
американский средний класс и
выделяли из своей среды все больше
людей, которые начинали задыхаться
в пределах тесной социальной
арматуры, казавшейся идеальной
сооружавшим ее архитекторам
консервативной модернизации.***

Они рассчитывали на новые поколения квалифицированных винтиков – инженеров, врачей, ученых, «инженеров человеческих душ», которые будут верой и правдой служить индустриально-государственной машине, на ценностно-рационального, если воспользоваться терминологией А. Вебера, человека, который действует «невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности “предмета” любого рода. Ценностно-рациональное действие... всегда подчинено “заповедям” или “требованиям”, в повиновении которым видит свой долг данный индивид».

Этот человеческий тип преобладал в дореволюционной деревне и на него-то и сделала ставку консервативная советская модернизация, не найдя другой опоры.

Новая же городская среда стала рождать человека совсем иного типа – *целерационального*, «чьё поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу» (М.Вебер).

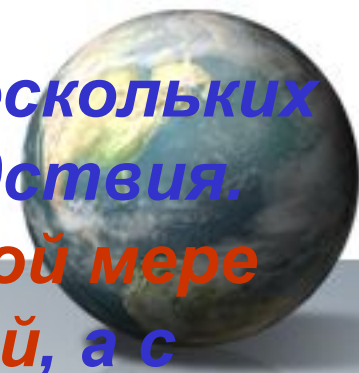
Этот «гадкий утенок», пожалуй, главное достижение советской модернизации, её главный инновационный ресурс, оказался большим сюрпризом для охранителей, казалось бы, уже сложившейся навечно консервативно-модернизационной системы.

Власть привыкла бороться с тем, что она называла пережитками прошлого, она выкорчевывала эти пережитки каленым железом, уничтожала интеллигенцию, которая, по словам Сталина, "кормилась у имущих классов и обслуживала их", внушая "недоверие, переходившее нередко в ненависть, которое питали к ней революционные элементы нашей страны и прежде всего рабочие".

Новые городские слои стали воспроизводить ненавистные «пережитки» в еще большем количестве, их перестала устраивать «винтичная» архаика поколений их родителей, и возник новый конфликт, на острие которого первоначально и оказались «шестидесятники».

Этот конфликт, развиваясь на протяжении нескольких десятилетий, имел, по меньшей мере, два следствия. С одной стороны, не был использован в должной мере модернизационный потенциал новых поколений, а с другой, затормозилось их становление как новых социальных слоев, так что к тому моменту, когда советская система изжила себя, они не представляли собой полноценного среднего класса, хотя и обладали многими его чертами.

И дело не только в том, что эти слои состояли почти сплошь из служилых, а значит, зависимых от государственного Левиафана людей, но и в том, что ментально они оказались заложниками советского консервативного мифа и, в массе своей, не были готовы адекватно воспринять экономическую и политическую культуру, которая больше всего соответствовала их собственным интересам.

Ловушка искаженной картины мира

Известно, что официальной идеологией советского времени был марксизм. Еще Бердяев писал, что марксизм в России был русифицирован и ориентализован, а к концу XX в., в результате неоднократных конъюнктурных приспособлений теории Маркса к нуждам российского и советского политического процесса, от классического марксизма у нас вообще мало что осталось.

Тем не менее, начиная с конца XIX в., марксизм оказывал очень большое влияние на формирование мировоззрения многих поколений наших соотечественников, и, не учитывая этого влияния, трудно разобратся в том, что творилось у них в головах.

Это влияние было двояким, что, как мне кажется, соответствует двусмысленности самого марксизма.

Несмотря на репутацию марксизма как чрезвычайно передового, революционного, «прогрессистского» учения, сегодня нельзя не видеть свойственных ему утопических, чрезвычайно архаичных, поистине средневековых черт, в которых, возможно, отразился современное Марксу немецкое прочтение реалий тогдашнего английского капитализма.

Марксистскую картину будущего буквально пронизывает ужас перед «анархией производства» и ни на чем не основанная уверенность в том, что следует «централизовать все орудия производства в руках государства», вера в то, что «плановая сознательная организация» должна заменить «анархию внутри общественного производства» и т.п.

Все эти абсолютно средневековые представления об идеальной организации производства и общества очень ценилась и дореволюционными большевиками, и их преемниками в СССР, многие в них свято верили, а кое-кто верит и сейчас, на них в явном виде опиралась советская государственническая утопия, идеология централизованного планирования и т.д. Без всего этого трудно понять сакрализацию государства, которая и до сих пор остается важным элементом российской политической культуры.

Разумеется, в марксизме есть не только эта архаичная утопическая составляющая. В нем есть много ценного, такого, что способствовало модернизации мировоззрения советских людей, освоению смысла европейских ценностей, развитию историзма мышления, противостояло пустому морализаторству. Едва ли кто-нибудь выиграет, если это ценное будет исторгнуто из российской философской и культурной традиции заодно с утопической составляющей марксизма.

В то же время мне кажется, что двуликость марксизма, как это ни странно, усиливала влияние его утопического компонента, который предстает в марксизме в весьма современном облики и поэтому сам по себе играет роль ловушки, способной похоронить не одно модернизационное начинание.

Диалектика Маркса существует как-то отдельно от диалектики Адама Смита, Мальтуса или Дарвина, идеи «невидимой руки рынка», самонаводящейся эволюции, самоорганизации, рождения порядка из хаоса плохо сочетаются с «общественным производством по заранее обдуманному плану», с идеями управления экономикой – и не только экономикой – из одного центра.

Вся концепция социализма, как она изложена, например, в «Анти-Дюринге», выглядит попросту хилиастически-креационистской и не оставляет места современным представлениям об эволюционной, вероятностной, поисковой природе нашего мира.

Кажется очевидным, что все эти утопические идеи устарели, и от них надо отказаться. Но если быть реалистом, то приходится признать, что у тех или иных разновидностей марксистской утопии, возможно, в смеси с другими утопиями, в России, по крайней мере, на уровне массового сознания, сейчас больше будущего, чем у рациональной части марксистского учения.

Шпенглер, один из главных идеологов немецкой «консервативной революции», называл государство «высочайшим символом времени» и, считая его «внутренней формой нации», упрекал Маркса в том, что он, с его «английской ориентацией мышления» подражал французскому Просвещению, воплотившему свою вражду к государству в понятие "société". Мне же представляется, что как раз рассмотрение общества, а не народа или нации в качестве субъекта исторического развития – сильная сторона марксизма.

Позиция Шпенглера, явно или неявно разделяемая многими в сегодняшней России, ведет в еще одну ловушку консерватизма. Отрицая стирающий культурные границы историзм в угоду подчеркиванию незыблемости таких границ «географизмом», консерватизм ведет к высокомерному культурному, а затем и политическому изоляционизму, в наших условиях оборачивается антизападничеством, антиамериканизмом и т. д.

Все ловушки консервативной модернизации сводятся, в конечном счете, к одному: она отторгает свои собственные результаты, ибо они несут перемены, часто несовместимые с ценностями консерватизма.

Он хочет управляемых перемен, а перемены сами знают, какими им быть.

С этим консерватизм смириться не может.

Спасибо за внимание!